
ГОРОД В ТЕОРИИ

DOI: [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1\(2\)-7-28](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1(2)-7-28)

ЧЕЛОВЕК В ГОРОДЕ И ГОРОД В ЧЕЛОВЕКЕ, ИЛИ ЕЩЁ РАЗ О ПРЕДМЕТЕ ГОРОДСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ (2)

С. А. Смирнов

Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук, Новосибирск, Россия
smirnoff1955@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках проекта «Образовательное пространство
и антропопрактики в античном и современном городе»
при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-78-10001

В работе обсуждается предмет и метод городской антропологии. Автор полагает, что городская антропология по своему предмету не сводится ни к прикладной социологии города, ни к микроурбанизму. В статье делается попытка выделить особую фигуру городского исследователя, который осмысляет город в категориях *ad hominem*, а человека понимает в категориях города как места обретения им своего собственного смысла и места обитания. Вводится различие между городским классическим исследователем-наблюдателем, городским зевакой, фланёром и горожанином-гражданином. Автор полагает, что города, как и пространства в целом, не бывают нейтральными. Город всегда обитаем. По поводу пространства обитания всегда составляются определённые представления людей, осмысляющих это пространство обитания. В этом смысле городов столько, сколько образов города и способов обитания в нём. В свою очередь образ города зависит от того, кто и как этот образ представляет в своём сознании. А создание самих образов зависит от маршрутов-путей, которые прокладывают себе обитатели городских пространств, жители города. В работе вводится представление о методе, используемом в городской антропологии и гуманитарной географии, – теория и практика составления картоидов и ментальных карт. В работе описано отличие картоида от ментальных карт. Предлагается методологический конструкт картоида, в основание которого вводятся такие опоры-реперы, как путь, граница, ориентир, место, горизонт, маршрут. На основании методологического конструкта картоида проводится анализ пилотного обследования

Для цитирования:

Смирнов С. А. Человек в городе и город в человеке, или Ещё раз о предмете городской антропологии (2) // *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*. 2022. № 1 (2). С. 7-28.

DOI: [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1\(2\)-7-28](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1(2)-7-28)

For citation:

Smirnov S. A. A Person in a City and a City in a Person, or Once again about the Subject of Urban Anthropology (2). *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*. 2022. 1 (2). P. 7-28.

DOI: [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1\(2\)-7-28](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1(2)-7-28)

представителей современного города и их «картоиды» (на примере Новосибирского Академгородка), то есть их карты-маршруты в собственном обжитом городском пространстве.

Ключевые слова: город, урбанистика, городские исследования, городская антропология, антропология города, ментальная карта, образ города, картоид.

A PERSON IN A CITY AND A CITY IN A PERSON, OR ONCE AGAIN ABOUT THE SUBJECT OF URBAN ANTHROPOLOGY (2)

Sergey Smirnov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
smirnoff1955@yandex.ru

The article was prepared within the framework of the project
"Educational space and anthropological practices in the ancient and modern city"
with the support of the Russian Science Foundation, project No. 18-78-10001

The article discusses the subject and method of urban anthropology. The author believes that the subject of urban anthropology is not reduced to either the applied sociology of the city, or to micro-urbanism. The article makes an attempt to highlight a special figure of the urban researcher who comprehends the city in ad hominem categories, and understands a person in the categories of the city as a place for him to acquire his own meaning and environment. A distinction is made between the urban classic explorer-observer, the urban onlooker, the flaneur, and the townsman-citizen. The author states that cities, like spaces in general, are never neutral. The city is always inhabited. Regarding the living space, there are always certain ideas of people who live there and comprehend it as their environment. In this sense, there are as many cities as there are images of a city and ways of living in it. The image of the city depends on the way it is represented in a human's mind. And the creation of the images themselves depends on the routes-paths that the inhabitants of urban spaces, the city inhabitants, are making. The paper introduces an idea of the method used in urban anthropology and humanitarian geography - the theory and practice of drawing cartoids and mental maps. The paper describes the difference between a cartoid and a mental map. A methodological construct of a cartoid is proposed, on which basis such support-benchmarks as path, border, landmark, place, horizon, route, are introduced. Based on the methodological construct of the cartoid, the article provides the analysis of a pilot survey of a modern city representatives and their "cartoids" (on the example of the Novosibirsk Academgorodok), that are maps-routes in their habitable urban space.

Keywords: city, urban studies, urban anthropology, city anthropology, mental map, city image, cartoids.

Карты и картоиды

Для нашей темы принципиальным является то, что именно человеческое измерение города, многообразная и многоцветная фиксация пристального взгляда при ответе на вопрос «кто твой город?», взгляда, предполагающего вышагивание отве-

та ногами, – такое человеческое измерение, будучи пешеходным, повседневным и заинтересованным (потому что я вышагиваю свой город, в нём моя забота, в нём я живу и мне важно, чтобы мне было в нём хорошо, поскольку это мой дом), позволяет судить о *мере человека в городе и мере города в человеке*, об их соразмерности. Так город и собирается – в его разных пазлах и калейдоскопах, образах и моделях. Возвращаемся к образу города, к тому, как и каким способом можно собирать свой город. То ли это будут случайные свидетельства зеваки, то ли дневники фланёра, то ли интервью экстремала-трейсера? Если мы говорим о территории (здесь – города), то неминуемо придём к разным практикам картирования, практикам визуального представления своего присутствия на той или иной территории. Картирование и картография исторически и сложились как такая практика. Но вот какие бывают карты и в чём их специфика в гуманитарной географии и городской антропологии? Например, активно обсуждается опыт составления ментальных карт [Митин 2017; Веселкова 2010; Глазков 2013]. Этим общим словом называют большое многообразие разных видов визуального представления пространства обитания, территории и даже разного рода видов опыта (в таком случае речь больше идёт всё же о когнитивных и интеллектуальных картах или просто схемах).

При всём многообразии определений [см. обзор: Митин 2017] ментальная карта так или иначе выступает способом фиксации визуального образа той или иной территории, того или иного пространства (города, региона, страны, части города), в котором так или иначе фиксируются его основные элементы – опоры, места, ориентиры и пути, из которых складывается каркас образа этой территории. К. Линч одним из первых пытался проделать работу по составлению такой ментальной карты, не называя, однако, свой опыт таким понятием. При этом исследователи ведут спор о том, что считать ментальной картой, что не считать, на чём ставить акценты – на психологическом состоянии информанта, автора этой карты, или на специфике способа рисования, или на специфике места, которое изображено на карте. Этот спор останется малопредметным, если не договориться о главном: ментальная карта так или иначе всё равно является не картой, соответствующей объекту по масштабу и средствам изображения (что необходимо в картографии), а способом ориентирования и навигации автора карты. Рисуя карты местности, человек так или иначе соотносит себя с ней. Карта выступает тем самым средством-медиатором между человеком и пространственным окружением, средой обитания.

Необходимо при этом добавить, что многие исследователи, давая задание своим информантам составить ментальную карту, забывают главное – предложить самому информанту пометить своё место на карте. Ментальные карты в этом плане зачастую анонимны и бессубъектны. Вот, например, рисует он город Чикаго или Новосибирск, точнее, часть города, то есть своё обитаемое пространство, рисует внешний ему образ, но не рисует себя в нём. Принято считать, что ментальная карта есть способ конструирования собственных воображаемых миров, но при этом в реальной практике ментального картирования всё больше доминирует внешний образ, внешнее пространство, которое, разумеется, получается всегда авторским (рисунок у каждого свой), но в нём нет главного – того, кто рисовал.

Ментальная карта принципиально отличается от привычной нам географической карты. Последняя должна учитывать реальность объекта (территории), объективные свойства пространства, места и, с учётом масштабов и условных обозначений, должна ухватить максимально точно эту территорию. А вот ментальная карта, в отличие от геокарт, схватывает не саму территорию, а её образное восприятие в сознании того, кто её рисует. Она не обязана соответствовать территории, быть правильной и соразмерной. С её помощью конструируется иная реальность – образная. Если это ментальная карта, то это прежде всего визуальное представление моего образа того места, которое фиксируется в этой карте. Это визуальное представление своего освоенного пространства с выделением мест, опор и ориентиров. С ней не надо путать схемы, модели и диаграммы, с помощью которых изображается некая образная конструкция. Всё же в ментальной карте, если это именно карта, должна угадываться реальная местность, реальная территория, реальные места обитания.

Но в ментальной карте при этом нет динамики. В ней нет маршрутов, движений того, кто её рисует. Именно через них мы можем увидеть, зафиксировать автора карты. И тогда мы переходим к понятию *картоида* [см.: Смирнов 2017; Смирнов 2018]. Картоид отличается от ментальной карты тем, что он сочетает в себе свойства путевого дневника, маршрутной карты и ментальной карты. Картоид больше предполагает изображение маршрута, нежели места. В нём автор фиксирует не столько само место обитания, сколько себя в этой местности, свои маршруты передвижения по живому месту, причём они могут быть составлены в разное время и быть разными². И тогда мы можем иметь пакет таких картоидов, выступающий чем-то вроде автобиографического дневника, «посаженного» на территорию. Именно через маршрутизацию автора картоида мы начинаем видеть реальную, живую, дышащую, но именно *его* территорию, его реальное, своё место обитания, а не вообще его представление о местности. Простое представление о местности выступает этакой кривой фотографией, статичной и сильно зависящей от интерпретации самим исследователем. Картоид же ухватывает повседневное

² Фактически практика составления картоидов следует той мобильной парадигме, которая давно уже разрабатывается в пространственных и городских исследованиях. Согласно этой парадигме, изучение мобильности должно осуществляться мобильными же методами. И сам исследователь должен находиться в движении. Само движение исследователя становится частью его исследовательской стратегии [Урри 2012; Запорожец 2017; Стрельникова 2012; Richardson 2008]. К таким мобильным методам относятся «совместная пешая прогулка», «следование тенью», «биографическая прогулка», «дорожное интервью»; благодаря развитию современных гаджетов мобильные методы дополнились дневниками мобильности и картографией мобильности [см.: Глазков, Стрельникова 2015]. Заметим, что в социологии мобильные методы давно используются в полевых исследованиях. Но, как это уже мы обсуждали, многие методы и в целом парадигма полевого этнографического и социологического исследования была перенесена с Поля в Город. И город с его жителями стали таким же объектом наблюдений. Но важно то, что ходьба пешехода, информанта и самого исследователя становится совместным методом – и методом проживания, и методом исследования. Такое рефлексивное понимание собственного способа существования в городе как пешехода, становясь и методом самоисследования, требует и соответствующего инструмента, коим и выступает картоид, совмещающий в себе качества карты и дневника.

живое существование изображённого места, которое по определению всегда является живым, поскольку вырезается, вышагивается ногами.

Построение картоида, включённого в совместное передвижение, совместную прогулку, выступает способом преодоления объектности в социологии и этнографии города. М. Кузенбах, впервые описавшая метод совместной прогулки, пыталась преодолеть ограниченность наблюдения и интервью, включив прогулку, а тем самым и самого исследователя, в ритм городского движения [Kusenbach 2003].

Надо сказать, что стремление развивать разного рода мобильные методы, предполагающие всё большее сближение исследователя с информантом, то есть, собственно, субъекта и объекта исследования, является следствием всё того же синдрома учёного-натуралиста с лупой, стремящегося максимально приблизиться к объекту своего наблюдения, всё больше проникнуть буквально в самую жизнь объекта, слиться с ним, добиться телесного и чувственного сближения, контакта, максимального доверия вплоть до симпатии и дружбы и даже совместного проживания. Это является продолжением всё той же исследовательской парадигмы, предполагающей, как бы ни говорили сторонники мобильных методов, наличие некоего всевидящего ока исследователя, с одной стороны, и некоего объекта, здесь – города и его обитателей, с другой, хотя обыватель и городской зевака становятся у них также персонажами для городских исследований. Но это лукавство. Всё равно, если ты исследователь, то ты к городу и его обитателям относишься как энтомолог к бабочкам, пытающийся к ним приблизиться со своим сачком, желая не просто увидеть, но и поймать и наколоть на свою иглу, поместив в свою коллекцию. Так и эти исследователи готовы ползать по городскому муравейнику с исследовательской лупой, собирать «бабочек» с помощью своих многочисленных интервью и совместных прогулок, ведя разговоры в самых разных местах, а теперь уже и с помощью разных умных гаджетов, находясь с информантами в поле, в общественном транспорте, в метро и электричках, на площадях и «заброшках», пешком на прогулке, на экскурсиях, в походах в магазины, ходя по обычным и не очень обычным маршрутам, следуя за ними тенью, пытаясь с ними слиться, подбирая и нужную для этого дела одежду, сверяя и подлаживая походку, подстраиваясь под режим жизни и привычки информантов. Но это не меняет дела – всё равно город с его обитателями остаётся при таком подходе для микроисследователей большим муравейником или джунглями, в которых копошатся жители-муравьи, местные, аборигены. Главное – подобрать под них ключик, инструментик, научиться действовать так, чтобы тебя не заметили, стать тенью, слиться с природой (городом), скрыться в городских джунглях, стать своим, чтобы оставаться наблюдателем, фактически шпионом – быть как бы своим, а на самом деле оставаться разведчиком. Стратегия шпионского наблюдения всё равно остаётся, если ты реально не становишься своим в городе и не перестаёшь наблюдать за его обитателями.

Только смена самой стратегии позволит найти человека в городе. Не сами по себе методы, пусть они и будут мобильными и соответствующими ритму города и способу обитания человека в городе, и не само по себе сближение с информантами помогают обнаружить человека в городе, а принципиальный отказ от позиции шпиона-наблюдателя, отказ от отношения к жителю города как к информанту, изучаемому под микроскопом ментальных карт и совместных пеших прогулок,

отказ в пользу восстановления иной оптики – поиска города в себе, благодаря чему ты можешь постепенно обрести и себя в городе.

И тогда мы сможем иметь дело не просто с образом города, а с человеком в городе, его способом обитания, зафиксированным в визуальном динамичном образе. Нам важно вести речь о человеке в городе, а значит о его месте в городе, его месте обитания, бытования, с помощью особого визуального средства, а не просто образа территории. Поэтому неважно, говорим ли мы о ментальной карте, или о «мысленной карте», или о картоиде. Нам важно зафиксировать задачу: мы говорим о географии, о внешнем по отношению к человеку пространстве, или мы говорим о месте человека в городе, на конкретной территории и о его собственном понимании этого места, своего места обитания, и о том, как он это место представляет, видит ли он его и видит ли он в своём собственном образе места самого себя? Поэтому и картоид, и ментальная карта имеют дело не с территорией, а с человеком, её собирающим и осмысляющим с помощью карты. В такой оптике ментальные карты и тем более картоиды создаются не для изучения местности, не для того, чтобы познать местность, а для ориентации самого автора карты на местности и понимания им себя, своего места на этой местности³.

Итак, попробуем провести сравнение ментальной карты и картоида с точки зрения того, какую роль они играют в практиках исследования, для чего составляются, для решения каких задач предназначены (табл. 1).

Табл. 1. Метальные карты и картоиды

Критерий	Ментальная карта	Картоид
Что изображено, объект изображения	Город, часть города с точки зрения автора (мой образ города)	Сам автор, его пребывание в городе, его места и маршруты (я в городе)
Отношение к времени. Как изображено место.	Статичный образ. Образ города вне времени (мой Чикаго)	Динамичный образ. Образ пребывания в городе в конкретный период времени (я в Чикаго в 2015 году)

³ С учётом сказанного нам видятся бесплодными споры о классификации методов картирования, классификации видов ментальных и когнитивных карт, споры о том, чем отличается когнитивное картирование от ментального [см.: Глазков 2013]. Эти споры излишне доктринальны, догматичны. В них исчезает простой смысл этой практики, объясняемый тем, что изначально карты в истории культуры и родились для того, чтобы сам человек, начинающий их составлять (не обязательно при этом учитывая правильность и точность, масштаб схватывания территории), делал это для ориентации и своей личной навигации в пространстве обитания, для поиска и обозначения своего места. Поэтому к ментальным картам и тем более картоидам не могут быть применены такие критерии, как точность изображения места, соотношение масштаба, правильность изображения объектов, точность ориентации и др., которые применяются к геокартам [ср.: Глазков 2013]. Исследователь В. Семёнова также отмечает не столько объективность ментальных карт, сколько их роль для обозначения и графической фиксации собственной пространственной и автобиографической идентичности автора карты, для пространственной самопрезентации, представления своих смыслов, явленных в пространстве обитания [Семёнова 2009, 76].

Требование к точности и правильности изображения	Не требуется	Требуется точность схватывания пребывания автора на территории
Требование к узнаваемости того, что изображено	Требуется узнаваемость территории	Требуется узнаваемость себя на территории

Понятно, что жёстких границ между этими инструментами нет и быть не может. Ментальная карта в зависимости от задач может становиться и картоидом, если с её помощью можно схватывать и самого автора карты. А картоид, разумеется, также содержит в себе черты карты, поскольку в нём схватывается пребывание на конкретной территории. Всё зависит от точности и ясности позиции того, кто составляет карту или картоид, от задач, для решения которых составляются карты и картоиды.

Образы, карты и картоиды Новосибирского Академгородка. Кейс

Есть такая простая игра в ассоциации. Называешь слово и просишь партнёра быстро назвать слово в ответ, не задумываясь, по ассоциации. Эта методика была также в своё время использована К.-Г. Юнгом для диагностики бессознательных комплексов. Далее при анализе связей между словами, которые выстраивались в ассоциативные цепочки, и временных интервалов аналитик получал первый материал для понимания того, где и какие у пациента могут быть психологические проблемы.

Этот пример использован для того, чтобы напомнить, что есть места на карте, которые долгие годы в сознании целых поколений имели прочные ассоциативные связи. Назови любому человеку слово «Академгородок» (добавлять «в Новосибирске» не всегда обязательно), и тебе сразу назовут прочные связки: научный, студенты, НГУ, Новосибирск. И далее – скажут про лес, академию наук, чистый воздух, расскажут про белок, которые прыгают по Морскому проспекту (сам свидетель: были времена, когда они были вообще ручные – идёшь по Морскому проспекту, она к тебе подбегает и быстро забирается на голову, благо, это было зимой и ты был в шапке). Однажды я ехал в машине с одним американцем, гостем очередного форума, проводимого в Новосибирске в начале 2000-х. Я спросил его, с чем ассоциируется Новосибирск на карте мира в его сознании? Он сразу сказал – Академгородок.

Долгие годы в сознании людей, наших соотечественников и многих гостей, особенно людей от науки, эта связка была прочной и существовала в единой ассоциации: Новосибирск – Академгородок – наука – НГУ – образование – лес – воздух – комфорт. На таких связках держится и образ места, эти связи структурируют образ места. Изменился ли он сейчас?

Мы решили использовать пилотное исследование, которое провели выпускники Новосибирского университета под руководством сотрудников кафедры социо-

логии НГУ и сотрудников Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук⁴. В качестве инструмента ими было разработано полуформализованное интервью, проведённое с молодыми жителями Академгородка в возрасте 18–35 лет. Период проведения исследования – с ноября 2018 г. по май 2019 г. Интервью проводились в рамках совместных прогулок по Академгородку (далее – АГ). Была сделана выборка из 20 интервью по принципу содержательного насыщения [Одинцова 2019]. Респондентам было предложено выделить ключевые элементы образа АГ – особенности АГ как объекта, ключевые характеристики *духа* АГ, основные *места* АГ, основные *символы* АГ, основные *группы жителей* АГ и основные *качества жителей* АГ. Что в итоге получилось?

Образ АГ (ил. 1) был представлен информантами через набор ключевых признаков, в которых выделяются: Лес, Институты, Море, Люди (хорошие, добрые).

Ил. 1. Особенности АГ как объекта
Источник: Одинцова 2019

Среди определений так называемого *духа* АГ, о котором слагаются легенды (только мало кто может его учуять), называются такие элементы, как Научный центр, Природа, Лес, очень зелёный, люди и много чего ещё, палитра весьма богатая (ил. 2).

⁴ Я благодарен научному руководителю исследования, научному сотруднику ИЭОПП СО РАН Е. Е. Горяченко за предоставленные материалы.

Ил. 4. Символы АГ
Источник: Одинцова 2019

Кто живёт в АГ? Какие ключевые группы проживают в этом замечательном месте? Ведь по факту верхняя зона АГ (с чем АГ и ассоциируется) – это студенческий научный город. Хотя НГУ – университет маленький по современным понятиям. Всего-то 9 тыс. студентов (раньше было и того меньше – порядка 5–6 тыс.), но для АГ это число весьма приличное, учитывая, что население верхней зоны составляет порядка 50 тыс. Каждый десятый житель – студент. Так же и с учёными. Всего научных сотрудников в Новосибирском научном центре насчитывается более 6 тыс. (из них порядка 4,5 тыс. – кандидаты и доктора наук). А всего сотрудников, работающих в НИИ, порядка 16 тыс. Если к ним прибавить 9 тыс. студентов, то получается, что чуть ли не каждый второй живущий в верхней зоне причастен науке и образованию (ил. 5). Действительно, умный город!

Ил. 5. Группы жителей АГ
Источник: Одинцова 2019

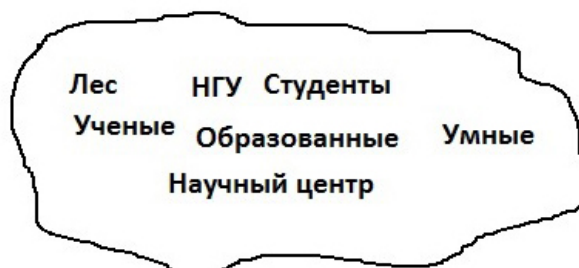
Какими же качествами обладают жители этого замечательного Городка? Вполне закономерно были названы следующие качества: образованные, умные, интеллигентные, доброжелательные (ил. 6).

Ил. 6. Качества людей АГ
Источник: Одинцова 2019

Какой замечательный город этот Академгородок! Как будто с картинки сошёл! Вот бы годик пожить в таком райском уголке! Не будем забывать, что мы обсуждали характеристики образа АГ, существующего в сознании молодых жителей и студентов. Это почти что автохарактеристика. Им комфортно среди своих. Они описали почти самих себя.

В итоге образ АГ состоит у этих молодых людей из устойчивых элементов: Лес, НГУ, Студенты, Учёные, Образованные, Умные, Научный центр (ил. 7). Эти элементы образуют каркас образа АГ. Этот образ видят молодые люди и студенты, жители АГ. Образ устойчив, стабилен. Фактически он такой же, каким был образ АГ у основателей АГ, у его первого поколения – сочетание науки, леса, образования. Не хватает одного элемента – воздуха свободы, который был у того поколения.

Ил. 7. Собираемый образ АГ

Также с респондентами были проведены полуструктурированные интервью, в которых им было предложено выделить качества места обитания. Ключевыми критериями для выбора таких качеств был предложен критерий включённости,

свойскости места – моё это место или не моё, принимает ли оно меня как своего или нет, принимаю ли я это место как своё, в котором живу, или нет. Эти качества следующие:

Красивый – некрасивый,
Грязный – чистый,
Опасный – безопасный,
Свой – чужой,
Весёлый – скучный,
Добрый – жестокий,
Хороший – плохой,
Уютный – неуютный,
Комфортный – некомфортный.

По результатам интервью АГ как место обитания оказался представлен в подавляющем большинстве выборов таким:

Красивый или скорее красивый,
Чистый или скорее чистый,
Безопасный или скорее безопасный,
Свой, даже очень свой,
Весёлый или скорее весёлый,
Добрый или скорее добрый,
Хороший или очень хороший,
Уютный или очень уютный,
Комфортный или скорее комфортный.

Итак, в целом АГ как место обитания получился просто замечательным, почти идеальным: красивый, добрый, свой, хороший, комфортный, чистый, безопасный, уютный, весёлый (ил. 8). Иначе говоря, весьма свой, дружелюбный и комфортный, сочетающий в себе качества места, где хорошо и уютно жить, с качествами места, где есть перспектива для личностного и профессионального роста⁵.

Ил. 8. Оценки образа АГ

⁵ Принцип «с милым рай и в шалаше» оказался мифом, не применимым для современного амбициозного молодого поколения, предъявляющего высокие требования как к месту обитания, так и к месту работы.

Это важно, потому что основной проблемой у молодых людей при выборе места обитания выступает именно этот вопрос – то ли это место, где можно реализовать себя, где есть перспективы для карьеры, и при этом насколько там уютно, комфортно и безопасно? Как правило, такие критерии к научным и студенческим городкам применяют их молодые жители. Это как раз места, где живут «мозги». На материале американских городов это показал в своей работе Р. Флорида [Флорида 2014]⁶.

Такая оценка и наполнение образа, качества среды города радикально отличается от образа и оценки всего Новосибирска, который в сознании самих жителей представлен скорее как некрасивый, грязный и даже очень, скорее неуютный, скорее некомфортный, скорее опасный. В рамках другого исследования, проведённого среди другой группы молодых людей – студентов вузов города, образ Новосибирска в целом представлен как образ грязного, неуютного, некомфортного места обитания, но зато города шумного, молодого, многолюдного, развивающегося [Шемелина, Ванина 2012]. То есть это скорее город-предприниматель, рискованный, динамичный, развивающийся, похожий на юношу, который весьма амбициозен, активен, энергичен, быстро растёт, быстро бежит, но сильно разбрасывается, ему всё интересно, но он не всегда осмысляет собственное развитие, не всегда понимает, что ему на самом деле нужно. Он хамоват, ему не хватает «культурки». Хотя он талантлив, на многое способен, жизнь его ещё только начинается, у него уже есть первые большие успехи. Его заметили, в него стали вкладываться, на него начинают возлагать большие надежды.

Мы увидели на этом примере, что в одном городе в разных его районах существуют абсолютно разные «города», разные образы города, вступающие друг с другом в конфликт (ил. 9–10). Особенно ярко он проявился в данном случае, поэтому жители и полагают, что Академгородок – это не город, а Новосибирск – это не Академгородок.

Ил. 9. Образ АГ

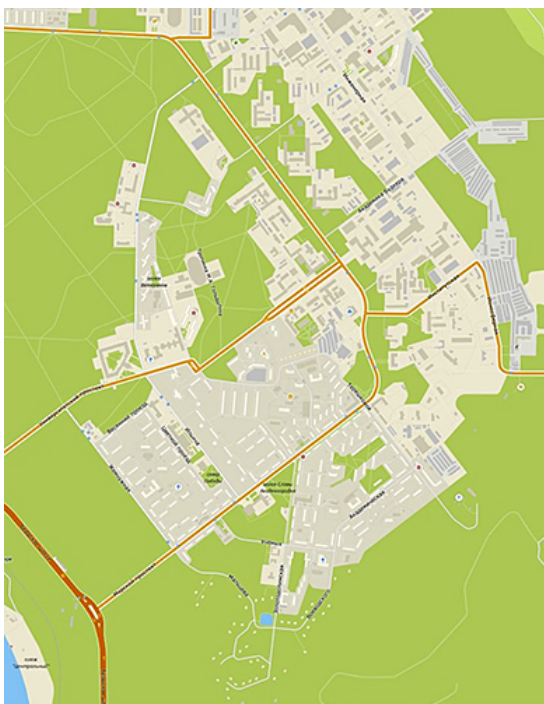

Ил. 10. Образ Новосибирска

⁶ Важнейшим фактором, повлиявшим на отток молодых «мозгов» из Новосибирского Академгородка, выступил именно этот фактор – невозможность реализовать себя как учёному-разработчику, несмотря на хорошее образование, полученное в НГУ, а также отсутствие жилья для молодых учёных. И никакой чистый воздух здесь не помог. Лес и белки не могут удержать человека. Да и живёт человек всё же не в лесу.

Немецкие авторы, например, так описывают антропологию отдельных немецких городов: «Мюнхен слишком чмоки-чмоки, Гамбург слишком холодный, Кёльн слишком голубой, значит остаётся Лейпциг. <...> Города – как люди. Кёльн – это весёлый собутыльник, Берлин – небритый поэт, знаменитый в узких кругах, Амстердам – рыжая обкуренная подруга» [Лёв 2018, 42]. Некоторые дотошные немецкие журналисты даже умудрились составлять неформальные карты городов на основе запросов в поисковых системах по ключевым словам: «Такие понятия, как “меланхолия”, “лень”, “культура” в Германии нигде не вводят в “Google” чаще, чем в Берлине. Мюнхенцев, если судить по этому признаку, особенно интересуют “карьера”, “прибыль”, “спорт” и “радость”. Гамбургцы впереди всех по запросам “желание”, “удовольствие”, “высокомерие” и “ненависть”. <...> По словам “измена” и “страсть” чаще всего ведут поиск из Аугсбурга. “Поцелуй” чаще всего хотят найти жители Ульма, а “секс” – люди, живущие в Оснабрюке» [Лёв 2018, 42].

Перед нами слева карта верхней зоны Новосибирского Академгородка (ил. 11). Но люди живут не на картах. Они живут в своих местах обитания, ходят по своим повседневным маршрутам, складывая, собирая свои образные картоиды мест обитания. Справа (ил. 12) приведена эта же карта, но уже с помеченными местами, опорными точками, границами своего района, ориентирами и маршрутами.

Ил. 11. Академгородок

Ил. 12. Хорда Академгородка

Эту вторую карту с её постоянными маршрутами, ориентирами и опорами представили молодые жители АГ, выделив, вырезав её своими ногами, в результате чего фактически получилась некая общественно-культурная хорда верхней зо-

ны⁷. Эта хорда тянется (если следить по картинке снизу вверх) от музея СО РАН и домика М. А. Лаврентьева (ныне не работают, давно закрыты для посетителей), далее мимо утиноного пруда (здесь любят гулять жители и гости АГ), мимо выставочного центра СО РАН, далее налево через Дом Учёных вниз по ул. Ильича, мимо Торгового центра, мимо НГУ, далее по ул. Пирогова вдоль студенческого и медицинского городков, далее поворот направо, пересечение пр. Лаврентьева, выход на ул. Кутателадзе, дальше по ней вплоть до ТРЦ «Эдем» и после него направо вверх до Технопарка. Эта хорда образует своеобразный позвоночник социальной, культурной, деловой активности всей верхней зоны АГ. Параллельно хорде идёт пр. Лаврентьева с его институтами. Но по нему ходят мало, меньше, чем по позвоночнику и по тропинкам, соединяющим пр. Коптюга, ул. Пирогова, ул. Ильича, пр. Лаврентьева и Морской проспект, образующие эллипс всей научно-образовательной и общественно-деловой активности в АГ (ил. 13)⁸.

Ил. 13. Эллипс жизни Академгородка

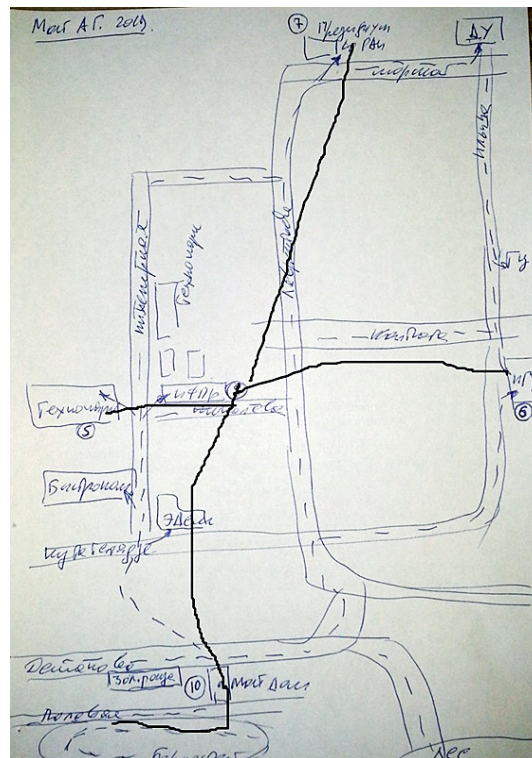
⁷ В нашей статье использованы карты из презентации группы социокультурного проектирования, работавшей в рамках проектного семинара «Академгородок 2.0», действующего в течение 2019–2020 гг. в Академгородке, со-модератором и инициатором которого является автор этих строк. Я благодарю участников этой группы за вклад в разработку части Концепции «Академгородок 2.0» по теме «Сфера Культура».

⁸ В своё время, учась в аспирантуре и потом работая в НГУ и живя в микрорайоне «Щ», я всегда ходил только пешком из дома в НГУ и обратно. Это 30–40 мин. пешком, напрямик, через лес. Так же всегда ходил от родителей, которые жили на ул. Правды в верхушке вниз домой в «Щ». Это тоже 40 мин. А сейчас хожу пешком в институт или Технопарк от Полевой до ул. Николаева. Не говоря уже о расстояниях в самой верхней зоне. От домика Лаврентьева до НГУ спокойной ходьбы полчаса. Или от НГУ в Технопарк – тоже напрямки 20–30 мин. Многие так и делают. Живут в АГ, измеряя его ногами. В Новосибирске этой пешеходности почти не осталось. Люди живут (спят) в одном районе, а работают в другом. И эти расстояния на 1–2 часа поездок. В том числе поэтому переезд из одного района в другой – случай редкий. Люди живут в своих слободах, микрорайонах, выбираясь изредка в центр.

Такое представление о центре и границах обитаемого АГ вполне ожидаемо, предсказуемо. Для такого видения не было нужды проводить так называемые исследования по составлению ментальных карт АГ [Иванова, Дитц 2015]. Информанты нарисовали свои ментальные карты АГ, в которых эта карта с её позвоночником вполне угадывается и ничем не отличается. Интереснее другое. В этих ментальных картах, статичных и зависимых от памяти информанта и его способностей к рисованию (у кого-то они более детальные и точны, у кого-то менее) нет главного – автора, того, кто её рисует, нет его автографа. Последний может схватываться лишь через рисунок повседневных маршрутов, причём пешеходных, что в свою очередь схватывается уже не в ментальных картах, а в картоидах, то есть личных путевых маршрутах. Как мы уже сказали выше, картоид отличается от ментальной карты и от образа территории тем, что в нём человек, его автор, пытается обозначить свой образ своего города в динамике пешеходного повседневного движения, а потому он связан не с так называемыми настроениями и эмоциями, о которых пишут некоторые авторы [Иванова, Дитц 2015], а с той повседневностью, которая не определяется настроениями, эмоциями и импульсами, а связана с той личной био- и географией города, которая вырезается годами пешеходных передвижений, становясь личным, своим городом.

В предыдущих работах мы описали опыт составления и применения картоидов на материале личных биографий людей, представив и метод их составления [Смирнов 2017; Смирнов 2018]. Не будем на этом останавливаться в данном случае. Там масштабом и «территорией» выступает личная биография в ретроспективе и перспективе. Но реперы картоида позволяют зафиксировать основную идею образного видения своей личной траектории.

Теперь попробуем представить иной масштаб – схватить в картоиде вполне конкретную территорию АГ, но своего, того повседневного, который вышагивается ногами, который свой, любимый, привычный, связанный с конкретными событиями и местами обитания. Мы предложили жителям АГ нарисовать свой АГ – то есть тот, по которому они каждый день ходят, с выделением на нём основных маршрутов и постоянных мест, в которых человек бывает, а также границ своего АГ. Также мы попросили оценить в баллах места и маршруты: какие из них наиболее значимы и частотны и какие менее (по десятибалльной шкале). Вот один из примеров (ил. 14).

Ил. 14. Мой АГ с опорами

Здесь автор пытался обозначить его жизненную маршрутную карту места обитания, *свой* Академгородок в 2019 году, с указанием опорных частотных любимых мест и маршрутов. В итоге он связал места: Мой дом – «Горностаи» (это школа) – Технопарк – «Эдем» (торговый центр) – ИФПР (научный институт) – НГУ – Президиум СО РАН. Получился событийный каркас конкретного образа АГ этого человека, его картоид. Для него его АГ был в 2019 представлен таким. Если же мы представим пакет таких картоидов с необходимой выборкой, то можем получить вполне представительный пакет маршрутных картоидов АГ. На этом уже можно строить социологию места обитания, выделять пакет стратегий и траекторий жизни в этом месте обитания разных людей и разных целевых групп, выделяя в них предпочтения в виде мест, маршрутов, опор, границ. Но это уже задача следующей работы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамов 2018 – Абрамов Р. «Забытые в прошлом»: освоение заброшенных пространств и феномен нового городского туризма // Микроурбанизм. Город в деталях. Москва, 2018. С. 13–39.
- Амин, Трифт 2002 – Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города / Пер. с англ. С. Баньковской // Логос. 2002. № 3 (34). С. 1–25.
- Амин, Трифт 2017 – Амин Э., Трифт Н. Города: переосмысляя городское / Пер. с англ. В. Николаева. Нижний Новгород, 2017.
- Беньямин 2019 – Беньямин В. Девять работ / Пер. С. А. Ромашко. Москва, 2019.

- Бредникова, Запорожец 2018 – *Бредникова О., Запорожец О.* Микроурбанизм. Ловушка для города // Микроурбанизм. Город в деталях. Москва, 2018. С. 13–39.
- Веселкова 2010 – *Веселкова Н. В.* Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология. 2010. № 31. С. 5–29.
- Глазков 2013 – *Глазков К.* Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. 2013. № 3. С. 39–56.
- Глазков, Стрельникова 2015 – *Глазков К., Стрельникова А.* Мобильные методы: движение как часть исследовательской стратегии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2015. № 10. С. 79–90.
- Гуаярт 2016 – *Гуаярт В.* Мы живем в новое время и нам нужны новые концепции // Городские исследования и практики. 2016. Т. 1 (1). С. 7–10.
- Гутнов, Глазычев 1990 – *Гутнов А. Э., Глазычев В. Л.* Мир архитектуры: Лицо города. Москва, 1990.
- Ефременко 2015 – Чикагская школа социологии / Под ред. Д. В. Ефременко. Москва, 2015.
- Запорожец 2017 – *Запорожец О. Н.* «Мобильные методы»: исследование жизни в движении // Социология: 4 М. 2017. № 44. С. 37–72.
- Запорожец, Лавринец 2006 – *Запорожец О., Лавринец Е.* Прятки, городки и другие исследовательские игры (Urban Studies в поисках точки опоры) // *Communitas*. 2006. № 1. С. 5–20.
- Иванова 2018 – *Иванова А.* Сумчатые. Хореография пассажиров городского транспорта // Микроурбанизм. Город в деталях. Москва, 2018. С. 70–93.
- Иванова, Дитц 2015 – *Иванова В. В., Дитц Е. А.* Образы территории в восприятии её жителей (на примере Академгородка) // Вестник НГУ. 2015. Т. 15. Вып. 4. С. 139–145.
- Ильф 2020 – *Ильф А.* «Неужели он гулял со мной?» / Публ. О. Поляковой // Культура.РФ. 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.culture.ru/materials/169757/neuzheli-on-gulyal-so-mnoi> (дата обращения: 28.02.2021).
- Коган 1990 – *Коган Л. Б.* Быть горожанами. Москва, 1990.
- Коган 1996 – *Коган Л. Б.* Требуется горожане! Москва, 1996.
- Лёв 2018 – *Лёв М.* Структуры собственной логики: различия между городами как концептуальная проблема // Собственная логика городов. Новые подходы в урбанистике. Москва, 2018. С. 40–66.
- Линч 1982 – *Линч К.* Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева под ред. А. В. Иконникова. Москва, 1982.
- Лоу 2016 – *Лоу С. М.* Пласа. Политика общественного пространства и культуры / Пер. с англ. Ю. Плискиной. Москва, 2016.
- Лэндри 2006 – *Лэндри Ч.* Креативный город. Пособие для городских инноваторов. Москва, 2006.
- Лэндри 2008 – *Лэндри Ч.* Искусство создавать города. Качество жизни и городская среда. Москва, 2008.

- Митин 2017 – *Митин И. И.* Ментальные карты города: история понятия и разнообразие подходов // *Городские исследования и практики.* 2017. Т. 2. № 3. С. 64–79.
- Некрасов 2009 – *Некрасов В. П.* Записки зеваки. München, 2009.
- Одинцова 2019 – *Одинцова А. А.* Образ Академгородка в восприятии современной молодёжи. Выпускная квалификационная работа. Новосибирск, 2019.
- Парк 2002 – *Парк Р.* Город как социальная лаборатория / Пер. с англ. С. Баньковской // *Социологическое обозрение.* 2002. Том 2. № 3. С. 3–12.
- Семёнова 2009 – *Семёнова В.* Картирование городского пространства: основные подходы к визуальному анализу // *Визуальная антропология: городские карты памяти.* Москва, 2009. С. 67–81.
- Серто 2008 – *Серто де М.* По городу пешком // *Социологическое обозрение.* 2008. Т. 7. № 2. С. 24–38.
- Смирнов 2004 а – Принципы good governance и управление городским развитием / Отв. ред. С. А. Смирнов. Новосибирск, 2004.
- Смирнов 2004 б – *Смирнов С. А.* Управление развитием человеческих ресурсов. Новосибирск, 2004.
- Смирнов 2017 – *Смирнов С. А.* Образ города: от карты к картоиду // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2017. № 4 (14). С. 28–48.
- Смирнов 2018 – *Смирнов С. А.* Антропоидный картоид как средство антропологической навигации // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 1 (15). С. 34–48.
- Смирнов 2019 а – *Смирнов С. А.* Городская антропология: между урбанизмом и повседневностью // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 1 (13). С. 13–31.
- Смирнов 2019 б – *Смирнов С. А.* Человекоразмерность города // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 2. С. 13–32.
- Смирнов 2019 в – *Смирнов С. А.* Город-кампус, или Образовательное пространство города. Методологический конструкт // *Высшее образование в России.* 2019. Т. 28. № 4. С. 44–59.
- Стрельникова 2012 – *Стрельникова А. В.* Метод биографической прогулки: интервью в пространственном измерении // *Современная социология – современной России: Сборник статей памяти А. О. Крыштановского.* Москва, 2012. С. 665–671.
- Урри 2012 – *Урри Дж.* Мобильности / Пер. с англ. А. В. Лазарева. Москва, 2012.
- Флорида 2014 – *Флорида Р.* Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства / Пер. с англ. Е. Лобковой. Москва, 2014.
- Шевелёв 2017 – *Шевелёв Е.* Город (без) человека: практики освоения пустых и заброшенных пространств // *Микроурбанизм. Город в деталях.* Москва, 2018. С. 43–63.
- Шемелина, Ванина 2012 – *Шемелина О. С., Ванина О. Е.* Образ города Новосибирска в представлении студентов // *Сибирский педагогический журнал.* 2012. № 8. С. 248–254.
- Kuzenbach 2003 – *Kusenbach M.* Street Phenomenology the Go-along as Ethnographic Research Tool. *Ethnography.* 2003. Vol. 4 (3). P. 455–485.

Richardson 2008 – Richardson T. *Kaleidoscopic Odessa: History and Place in Contemporary Ukraine*. Toronto, Buffalo, London, 2008.

REFERENCES

- Abramov 2018 – Abramov R. “Forgotten in the past”: the development of abandoned spaces and the phenomenon of new urban tourism. *Microurbanism. City in details*. Moscow, 2018. P. 13–39. In Russian.
- Amin, Thrift 2002 – Amin A., Thrift N. The intelligibility of the everyday city. Transl. into Russian. *Logos*. 2002. 3 (34). P. 1–25.
- Amin, Thrift 2017 – Amin A., Thrift N. *Cities: Reimagining the Urban*. Transl. into Russian. Nizhny Novgorod, 2017.
- Benjamin 2019 – Benjamin W. *Nine Works*. Transl. into Russian. Moscow, 2019.
- Brednikova, Zaporozhets 2018 – Brednikova O., Zaporozhets O. Microurbanism. Trap for the city. *Microurbanism. The city in details*. Moscow, 2018. P. 13–39. In Russian.
- Certeau 2008 – de Certeau M. *Marches dans la ville*. Transl. into Russian. *Russian Sociological Review*. 2008. Vol. 7. 2. P. 24–38.
- Efremenko 2015 – Chicago Sociology School. Ed. by D. V. Efremenko. Transl. into Russian. Moscow, 2015.
- Florida 2014 – Florida R. *Who’s your city? How the creative economy is making where to live the most important decision of your life*. Transl. into Russian. Moscow, 2014.
- Glazkov 2013 – Glazkov K. Mental maps: methods of analysis, error and spatial metrics. *Sociology of power*. 2013. 3. P. 39–56. In Russian.
- Glazkov, Strelnikova 2015 – Glazkov K., Strelnikova A. Mobile methods: movement as part of a research strategy. *Interaction. Interview. Interpretation*. 2015. 10. P. 79–90. In Russian.
- Guallart 2016 – Guallart V. We live in modern times and we need new conceptions. Transl. into Russian. *Urban Studies and Practices*. 2016. Vol. 1. P. 7–10.
- Gutnov, Glazychev 1990 – Gutnov A. E., Glazychev V. L. *The world of architecture: The face of the city*. Moscow, 1990. In Russian.
- Ilf 2020 – Ilf A. Did he walk with me? Ed. by O. Polyakova. *Culture.RF*. 2020. URL: <https://www.culture.ru/materials/169757/neuzheli-on-gulyal-so-mnoi>. In Russian.
- Ivanova 2018 – Ivanova A. Marsupials. Choreography of urban transport passengers. *Microurbanism. The city in details*. Moscow, 2018. P. 70–93. In Russian.
- Ivanova, Dietz 2015 – Ivanova V. V., Dietz E. A. Images of the territory in the perception of its inhabitants (on the example of Akademgorodok). *Vestnik NSU*. 2015. Vol. 15. 4. P. 139–145. In Russian.
- Kogan 1990 – Kogan L. B. *To be city dwellers*. Moscow, 1990. In Russian.
- Kogan 1996 – Kogan L. B. *Citizens are required!* Moscow, 1996. In Russian.
- Kuzenbach 2003 – Kuzenbach M. Street Phenomenology the Go-along as Ethno-graphic Research Tool. *Ethnography*. 2003. Vol. 4 (3). P. 455–485.
- Landry 2006 – Landry C. *The Creative City. A Toolkit for Urban Innovators*. Transl. into Russian. Moscow, 2006.
- Landry 2008 – Landry C. *The Art of City-Making*. Transl. into Russian. Moscow, 2008.

- Low 2016 – Low S. M. On the Plaza: The Politics of Public Space and Culture. Transl. into Russian. Moscow, 2016.
- Löw 2018 – Löw M. Structures of own logic: differences between cities as a conceptual problem. Transl. into Russian. *Own logic of cities. New approaches in urbanism*. Moscow, 2018. P. 40–66.
- Lynch 1982 – Lynch K. The Image of the City. Transl. into Russian by V. L. Glazychev. Moscow, 1982.
- Mitin 2017 – Mitin I. I. Mental maps of the city: the history of the concept and a variety of approaches. *Urban Studies and Practices*. 2017. Vol. 2. 3. P. 64–79. In Russian.
- Nekrasov 2009 – Nekrasov V. P. Onlooker notes. München, 2009. In Russian.
- Odintsova 2019 – Odintsova A. A. The image of the Academgorodok in the perception of new generation. Novosibirsk, 2019. In Russian.
- Park 2002 – Park R. The City as a Social Laboratory. Transl. into Russian. *Russian Sociological Review*. 2002. Vol. 2. 3. P. 3–12.
- Richardson 2008 – Richardson T. Kaleidoscopic Odessa: History and Place in Contemporary Ukraine. Toronto, Buffalo, London, 2008.
- Semenova 2009 – Semenova V. Mapping urban space: basic approaches to visual analysis. *Visual anthropology: city memory maps*. Moscow, 2009. P. 67–81. In Russian.
- Shemelina, Vanina 2012 – Shemelina O. S., Vanina O. E. The image of the city of Novosibirsk in the students' view. *Siberian Pedagogical Journal*. 2012. 8. P. 248–254. In Russian.
- Shevelev 2017 – Shevelev E. City (without) a man: practices of developing empty and abandoned spaces. *Microurbanism. The city in details*. Moscow, 2018. P. 43–63. In Russian.
- Smirnov 2004 a – Principles of Good Governance and Urban Governance. Ed. by S. A. Smirnov. Novosibirsk, 2004. In Russian.
- Smirnov 2004 b – Smirnov S. A. Human resource development management. Novosibirsk, 2004. In Russian.
- Smirnov 2017 – Smirnov S. A. The image of the city: from map to carotid. *ППАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 2017. 4 (14). P. 28–48. In Russian.
- Smirnov 2018 – Smirnov S. A. Anthropoid cartoid as a means of anthropological-logical navigation. *ППАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 2018. 1 (15). P. 34–48. In Russian.
- Smirnov 2019 a – Smirnov S.A. Urban anthropology: between urbanism and everyday life. *ППАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 2019. 1 (19). P. 13–31. In Russian.
- Smirnov 2019 b – Smirnov S. A. Human dimension of city. *ППАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 2019. 2 (20). P. 13–32. In Russian.
- Smirnov 2019 c – Smirnov S. A. City-campus, or Educational space of the city. Methodological construct. *Higher education in Russia*. 2019. Vol. 28. 4. P. 44–59. In Russian.
- Strelnikova 2012 – Strelnikova A. V. Method of biographical walk: interviews in spatial dimension. *Modern sociology to modern Russia: Collection of articles in memory of A. O. Kryshchanovsky*. Moscow, 2012. P. 665–671. In Russian.
- Urry 2012 – Urry J. Mobility. Transl. into Russian by A. V. Lazarev. Moscow, 2012.
- Veselkova 2010 – Veselkova N. V. Mental maps of the city: questions of methodology and practice of use. *Sociology*. 2010. 31. P. 5–29. In Russian.

- Zaporozhets 2017 – Zaporozhets O. N. “Mobile methods”: a study of life in motion. *Sociology: 4 M.* 2017. 44. P. 37–72. In Russian.
- Zaporozhets, Lavrinets 2006 – Zaporozhets O., Lavrinets E. Hide and seek, towns and other research games (Urban Studies in search of a fulcrum). *Communitas.* 2006. 1. P. 5–20. In Russian.

Материал поступил в редакцию 21.03.2021
принят к публикации 4.06.2021